

Татьяна Шипошина

*Священномученик
Серафим (Чичагов)*

Дворянин, офицер, митрополит

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2025

УДК 244
ББК 86 372
Ш634

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р25-421-0476

Шипошина Т. В.

Ш634 Священномученик Серафим (Чичагов): Дворянин, офицер, митрополит. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2025. — 272 с.

Автор книги, художественно обрабатывая исторический материал, но при этом не искажая фактов, рассказывает о житии и деяниях священномученика митрополита Серафима (Чичагова). Повествование выстроено таким образом, что в подробный рассказ о судьбе главного героя снова и снова врывается описание его последнего ареста, за которым последовала мученическая кончина за Христа.

Впервые книга Т. В. Шипошиной была выпущена в 2018 году и называлась «Укажи мне путь...: Книга о священномученике митрополите Серафиме (Чичагове)».

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2025
© Шипошина Т., текст, 2025

ISBN 978-5-907880-31-3

Дорогой читатель!

Если вам когда-нибудь покажется, что в вашей жизни наступила безвыходная ситуация, нет сил, или ноша ваша неподъемна, попробуйте поехать на Бутовский полигон.

Побродите среди бутовских рвов. Перекреститесь на храм.

Представьте себе серый декабрьский день. Под ногами — вырытый ров, а во рву — тела расстрелянных людей.

Представьте себе расстрельную команду, которой все равно, виновен человек или нет. Представьте себе снег, обогранный кровью. И пожилого человека, которого несут ко рву на носилках, чтобы расстрелять¹.

Незримая нить связывает нас — людей, живущих в XXI веке, — и тех, кто нашел свое последнее пристанище в этих братских могилах.

Не все, кто погребен здесь, — святые.

Имена многих из тех, кто погребен, до сих пор неизвестны.

Но пусть наша память станет неугасимой лампадой.

Пусть не позволяет она нам забыть об этих рвах.

Пусть не допустит повторения...

В белом поле белый снег и белый храм,

От мороза стынет колокол с утра.

Будто ангельским пером,

Снег покроет ров за рвом —

Это Бутово протянет руки к вам.

Тишина здесь, тишина здесь, тишина.
Здесь душа любая на просвет видна...
Что забыла ты, душа,
Утром по снегу спеша?
То ли память тебя гонит, то ль вина.

Отворились, отворились ворота —
Ни вороны, ни лисицы, ни крота...
Убиенные лежат
Тут сестра твоя и брат,
Не сорвавшие нательного креста.

Боже, Боже, как же короток мой век!
Дай Ты, Боже, мне упасть на этот снег,
Дай мне сжать его в горсти,
И молитву вознести...
И губами прикоснуться к вышине.

И не снегом ты единым, Русь, чиста,
А одеждами распятого Христа...
Полигонами в лесах,
Да святыми в образах,
Да молитвами в обветренных устах...²

Это стихотворение я написала, когда судьба впервые привела меня на Бутовский полигон.

В мою задачу, как автора книги «Укажи мне путь...», не входило создание подробной автобиографии священномученика Серафима (Чичагова). Не входила исследовательская работа, как таковая.

Мне просто надо было рассказать о владыке Серафиме. Об этом «огромном» человеке, одаренном многими талантами.

Какая глубина чувств заключена была в нем! Какая глубина размышлений! Какая сила воли, характера! И вот человек такой одаренности и силы, уверовав в Бога,

отдает все свои таланты на служение Господу и людям... «до смерти, и смерти крестной»³.

Я выбирала из творчества святого те отрывки, которые поражали меня. Некоторые диалоги составлены из слов владыки или из рассказов о его поступках «из первых уст».

Книга написана. Отдавая ее на суд читателю, я прошу помощи и заступничества у владыки: «Священномучениче Серафиме, моли Христа Бога о нас...»

В книге, кроме трудов священномученика митрополита Серафима (Чичагова), использованы материалы тех, кто ранее писал о нем, в первую очередь воспоминания внучки святого — игуменьи Серафимы (Чёрной-Чичаговой), которая была настоятельницей московского Новодевичьего монастыря с 1994 по 1999 год.

Настольной стала для меня книга Владимира Алексеевича Юлина, дипломата, женатого на правнучке митрополита Серафима, «Серафим значит пламенный»⁴.

Многие материалы предоставил мне Владимир Анатольевич Лёвушкин — исследователь, член Общества почитателей памяти священномученика митрополита Серафима (Чичагова) и игуменьи Серафимы (Чёрной-Чичаговой).

Помощь и благословение я получила от настоятеля храма Святых новомучеников и исповедников Российских в Бутове протоиерея Кирилла Каледы, который сам является внуком святого, расстрелянного здесь, на полигоне, священномученика Владимира Амбарцумова.

Татьяна Шипошина

Пролог

1937 год

Холодно...

На улице ноябрь.

Стыло, неуютно. Ветер завывает в печной трубе.

Маленькие домики у станции Удельная Казанской железной дороги словно вжались в землю, чтобы пережить лихие холода. И лихие года.

Если от холодов человек может как-то спрятаться, одевшись потеплее или прислонившись к теплой печи, то от годов, в которые пришлось появиться на свет и жить, не спрячешься никуда.

Пока не призовет Господь.

Пока не даст сигнала: «Пошли! Пора...»

«Господи, подожди! — кричит тот, кого позвали. — Я еще не все успел! Мне еще надо что-то получить и что-то отдать! Мне надо сделать что-то очень нужное — то, что я всегда откладывал на потом!»

Нет, Господь не ответит, что «не надо». Господь просто слышит и видит.

Господь знает, когда приходить.

Сколько бы человек ни кричал, что ему невыносимо жить, или сколько бы ни упрашивал оставить себя в богатстве,

во власти и в покое, Господь придет именно тогда, когда наступит срок.

Образумьтесь, бессмысленные люди! когда вы будете умны, невежды? Насадивший ухо не услышит ли? и образовавший глаз не увидит ли? Вразумляющий народы неужели не обличит, — Тот, Кто учит человека разумению? Господь знает мысли человеческие, что они суетны. Блажен человек, которого вразумляешь Ты, Господи, и наставляешь законом Твоим...⁵

Блажен, кого зов Господень застанет подготовленным...

...Тусклый свет неяркой электрической лампочки высвечивает стены комнаты и множество икон на стенах. Кажется, словно Христос, Богородица и святые находятся здесь, рядом, и наблюдают за происходящим.

Поблескивает позолота, светится небольшая лампадка.

С большой иконы смотрит Спаситель в белом хитоне, в полный рост, выступая из сумерек.

Из тьмы, если хотите.

Впрочем...

Те трое, кто скидывает на пол книги и бумаги, не смотрят в сторону икон.

Стараются не смотреть.

Но иконы все попадают и попадают им на глаза. Ведь, как ни крути, эти трое выросли в православной стране.

На постели, в углу, сидит большой и грузный пожилой человек. С бородой и длинными седыми волосами. Ноги его отечны, но он почти не сгорблен. Спина его остается прямой. Его руки, покрытые извитыми венами, сохраняют правильную форму. Длинные пальцы правой руки спокойно лежат на колене, а левая рука словно бы придерживает сердце, словно бы поглаживает его — изношенное, но продолжающее стучать ровно столько, сколько отмерено: тук-тук, тук-тук...

Пожилой человек дышит тяжело, но лицо его сохраняет спокойствие. Глаза ясные, серо-голубые.

Эти глаза следят за действиями тех, кто орудует в комнате.

Комната в старом дачном доме — то ли спальня, то ли кабинет. Вот человек в форме приближается к письменному столу.

— Лучше сам выкладывай все, что у тебя против советской власти! — поворачивается он к пожилому человеку.

Тот молчит. Он смотрит на книги, валяющиеся на полу. На листы бумаги с заметками.

Горло пожилого человека сдавливает спазм, и пожилой человек кашляет.

Чекист поворачивается и смотрит на пожилого человека. О чем думает чекист? Может, он просто не понимает, что делает? Не особо задумывается над тем, что происходит? Просто попал в «контору» и трудится, как положено?

Может быть, может быть.

Может, и нет. Скорее всего, он, потомственный пролетарий, выполняет приказ партии. Изо дня в день, из квартиры в квартиру приходит к «врагам народа» в ночное время, чтобы арестовать их! Чтoб неповадно им было плести интриги и строить козни против молодой Советской страны!

... В справке на арест пожилого человека написано:

«В 4-й отдел УГБ УНКВД МО поступили сведения о том, что проживающий под Москвой авторитет Православной Церкви, активный деятель “ИПЦ” митрополит Серафим — Чичагов Леонид Михайлович, быв. князь, быв. полковник царской армии, — проводит глубоко законспирированную к-р церковную деятельность — дает указания к переходу Церкви на нелегальное положение.

Чичагов в своей квартире производит прием своих единомышленников, которых обрабатывает на возобновление к-р церковно-монархической деятельности и на организацию последователей “ИПЦ” из числа церковников, враждебно настроенных к советской власти».

«Древний уже, а сразу видно, что враг! Ишь, как сидит, глазами зыркает! Старый, а туда же! Ведет пропаганду! Поп недобитый!» — думает чекист.

— Лучше сам выкладывай! Все равно все это... все это забереми и по бумажке проверим! — чекист пинает ногой книги, валяющиеся около письменного стола.

Пожилой человек проследил глазами, как отлетает от сапога одна из его книг. Прокашлялся. И в комнате зазвучал его голос. Мягкий, глубокий. Без дребезжащих старческих ноток. Голос, привыкший звучать под высокими сводами. Голос, который и сейчас способен владеть академической аудиторией и сотнями прихожан разных классов и сословий.

— Нет. Нет здесь ничего против власти. А вам не страшно ли идти против Бога?

Голос пожилого человека заставил обернуться всех троих, производящих обыск. Хоть убей, но одному из них, тому, кто был постарше других, вдруг захотелось бухнуться на колени и поцеловать руку этого человека! Он даже сделал шаг и начал подносить свою руку ко лбу, чтобы перекреститься! Но мысленно одернул себя: «Да черт его побери! Проклятые пережитки прошлого! Проклятое бабкино наследие! Не вытравливается никак!»

Чекист постарше, которому захотелось упасть на колени, потер руки и нарочито грубо произнес:

— Врешь, старый! всю жизнь людей дурил и сейчас дуришь! Не выйдет! Бога нет! Опиум для народа — вот оно что, религия твоя! Мракобесие и поповщина!

— Небось до сих пор еще царя-батюшку поминает! — поддержал другой.

— Все ждет, что вернутся помещики и капиталисты, и попы к ним... тут как тут! С крестами на пузах!

Двое усмехнулись. Младший матерно выругался.

— Да по нему видно, что он из бывших! — буркнул третий.

Глава I

Старинный дворянский род

Мысль человеческая имеет свойство быть столь быстрой, что за мгновение может преодолеть огромные расстояния. И в пространстве, и во времени. Если силу и движение человеческой мысли сравнивать с источником света, то у сидящего перед чекистами пожилого человека способность мыслить можно было бы сравнить с летящей молнией. Старость практически не затронула его способности анализировать происходящее, разве что немного притормозила кратковременную память, взамен обострив память прошлого. Не только обострив, но и придав воспоминаниям оттенок каких-то сказаний, притчей. В некотором царстве, в недалеком государстве...

Жизнь начала разворачиваться перед его глазами.

Конечно, жизнь любого человека начинается с семьи. А если ты принадлежишь к роду, который упоминается в летописях с пятнадцатого века, с Ивана III?

Непролетарское происхождение. Ох и непролетарское.

Старинный дворянский род. С пятнадцатого века его предки состояли на государственной службе, оставаясь верными охранниками и защитниками русской монархии.

По воле Божией Леонид Чичагов появился на свет именно в этом роду, и ни в каком другом.

На высокие места его предки никогда не претендовали, за власть не боролись. Не расталкивали окружающих локтями, службу несли надежно и верно.

Родственник Леонида, адмирал Павел Васильевич Чичагов, писал о своем роде: «Отец мой, Василий Чичагов, родился в честной, но небогатой семье. Употребляю слово “честная”, отдавая ему преимущество перед словами “благородная” или “дворянская” семья, по той причине, что смысл слова “честный” один и тот же во всех странах и во все времена, а “благородный”... не имеет в России никакого определенного значения...»

Может, честность и позволила роду сохранить себя из века в век. От этих-то воинов — защитников государевых — и пошла, скорее всего, родовая фамилия. «Шишак» — заостренная верхушка воинского шлема. Чичагов...

Но может быть и по-другому. «Чичак» — по-татарски «цветок». Это род такой — сильные и красивые. Твердые и нежные. Независимые.

* * *

— Леонид, хватит нежиться в постели! Пора вставать! Пора!

Ох как не хочется покидать мягкую постель...

— Мальчики, вставайте на молитву!

Молитву не проспишь. На нее встают всей семьей, если папа не на службе.

Отец — светлая страничка памяти, без изъянов. Так бывает, когда человек, которого ты любишь, рано уходит из жизни.

Солнечный луч проникает в комнату, где перед иконой все четыре сына Михаила Никифоровича Чичагова —

один другого краше: Николай, Михаил, Леонид и Александр. Была у них и сестренка, но умерла во младенчестве, в три года.

Леонид — средний. Младший из средних — Лёничка! Но ему так хотелось скорее вырасти!

Ранние детские воспоминания содержат только свет и радость. И гордость! Ведь отец — в генеральском мундире, потому что недавно получил звание генерал-майора и должность коменданта города Калуги.

Когда отец ушел из жизни, Леониду исполнилось десять лет.

Отец беседовал с сыновьями обо всем. И конечно, о славных предках, начиная с деда, Никифора Петровича Чичагова.

Дед служил в министерстве внутренних дел и разрабатывал для России новые пути, реформы. Правда, суть реформ тогда была Лёничке непонятна, но то, что дед работал на благо России, — понятно вполне.

— А еще дед твой знатным был писателем! — рассказывал отец. — Писал о жизни выдающихся людей. О гражданине Минине, о князе Пожарском. И о генерал-фельдмаршале, графе Румянцеве-Задунайском. И о многих других. Вот подрастешь, Лёничка, и прочтешь.

О, как хотелось в детстве Лёничке стать таким же смелым и отважным, как представители славного рода Чичаговых! Вот Василий Яковлевич — он возглавлял экспедицию, исследовавшую Ледовитый океан.

— Папа, неужели он добрался до самого Северного полюса?

— Нет, не добрался, хоть и прошел он в высокие широты дальше, чем все его предшественники.

— Жаль! Неужели испугался холода?

Папа взъерошивает волосы Лёничке.

— Нет, сын. Не испугался. Чичаговы, как правило, не боятся. Не трусят, не предают и не сбегают. Он повернул, потому что понял: если пойдет дальше, то не сумеет спасти ни корабли, ни экипаж. Людей погубит. Понимаешь? Каждый командир отвечает за тех людей, которыми командует. А Василий Чичагов и в воинских баталиях отличался тем, что побеждал малой кровью.

— А ты, папа, тоже отвечаешь за солдат?

— Да, конечно. Если время мирное, я отвечаю, чтоб солдат был накормлен, одет, чтоб он жил под надежной крышей, чтоб обучен был и соблюдал дисциплину. А еще чтоб в Бога веровал и знал, за кого и за что должен воевать, если призовет его воинский долг.

— За кого?

— А вот сам скажи! Неужели не знаешь?

— За Веру, Царя и Отечество?

— Истинно так. За Веру, Царя и Отечество. И ты как в военную службу пойдешь, сражаться будешь за то же. Будешь и ты служить, Бог даст. Недаром тебя даже крестили при Михайловском артиллерийском училище. В храме святого Александра Невского.

— А почему в этом храме?

— Потому что я военную службу проходил в Учебной артиллерийской бригаде. Между прочим, твой знаменитый предок еще одно отличие имел, такое, которого никто ни до него, ни после него не удостоился.

— Какое же?

— В 1790 году в Выборгском заливе заманил он в ловушку шведский флот и разбил его наголову! Потонули 64 корабля противника. Семь линейных кораблей и три больших фрегата. Погибло около пяти тысяч шведов и две тысячи были взяты в плен. А с нашей стороны только 117 погибли, и ранено было 164 человека.

— Все равно жалко... наших жалко...

— Согласен. Но цифры-то каковы! Так вот, за эту победу Василий Чичагов был награжден орденом Святого Георгия 1-го класса и шпагой, украшенной алмазами.

— Папенька, но ведь есть же и другие, награжденные таким орденом!

— Есть. Но среди моряков он — единственный! Императрица Екатерина II с большим почтением к нему относилась. Собственноручно нарисовала эскиз дворянского герба и пожаловала ему, приказав «Во все времена за Нашего Всероссийской Империи дворянина признавать и почитать... обид и препятствия отнюдь и ни под каким видом не чинить». Вот откуда корни наши!

— Папенька, как же мне...

— Верю, верю, что и тебе хочется так же, — улыбается отец. — Вот и старайся. Вот и учись. А там посмотрим, коли будешь готов к воинской службе, так и определим тебя! Вот вернемся в Санкт-Петербург и отправимся на могилу Василия Яковлевича. В Александро-Невскую лавру. Сама царица, сама Екатерина II эпитафию на могилу его написала. Уважала его царица. Потому что никогда он ни перед кем не заискивал, всегда держал себя с достоинством. Был бескорыстным и честным. А от придворной суеты и лизоблюдства убегал подальше. Десять сыновей у него родилось и почти все служили на флоте, в том числе Павел Васильевич Чичагов. Российский морской министр. Но про него я расскажу тебе позже. А Василий Яковлевич увековечен, между прочим, на памятнике Екатерине Великой. У подножия статуи, вместе с Александром Суворовым, с Румянцевым, с Державиным, с Потемкиным и другими великими мужчинами. Есть чем гордиться?

— Есть, — шепчет Лёня.

— Ну, а напоследок неси атлас!

Вот на коленях отца разложен атлас мира.

Сердце Лёни бьется так, словно это он сейчас ступит на земли неведомых островов. Так, словно это его качает палуба корабля... Словно над ним трепещут паруса и родной Российский флаг.

— Смотри, — показывает отец, — вот, острова в архипелаге Земля Франца-Иосифа... остров в архипелаге Александра, у берегов Северной Америки... залив и мыс острова Нуку-Хива, в Полинезии... мыс на японском острове Кюсю⁶ и гора на острове Западный Шпицберген. Эти острова, мысы, залив, гора носят имя Василия Яковлевича Чичагова.

Глава 2

«Быть, а не казаться»

Какой мальчишка не мечтает о далеких островах?! Разве не помнит старый человек о том, какие подвиги и приключения придумывал, будучи гимназистом-младшеклассником, после вечерней молитвы забираясь под одеяло и укрываясь с головой, чтобы лучше мечталось, чтобы ничего не отвлекало...

Помнит. Конечно, помнит.

История Павла Васильевича Чичагова, адмирала, а также морского министра в 1802–1811 годах, трогала душу!

У адмирала и у прадеда Леонида был общий предок.

Отец рассказывал о жизни адмирала. И не раз.

— Павел Васильевич начал служить с 14 лет адъютантом у своего отца. Повоевал со шведами, и его направили на обучение в Англию. Там он обручился с дочерью английского капитана Чарльза Проби — Элизабет. Влюбился в нее с первого взгляда. Сначала капитан жениться дочери запретил, а потом и император Павел I наложил запрет. И впал моряк в немилость. Император по доносу уволил его со службы и лишил всех чинов и наград. До Шлиссельбургской крепости дело дошло. Павел

Васильевич милости не просил. За него просили. Доказали императору, что он невиновен. И вернул ему император и награды, и чины. А после и жениться разрешил.

— На англичанке?

— На ней самой. Любил он ее.

— А император мог бы и не разрешить? И награды не вернуть?

— Мог бы.

— Бог помог?

— Бог. Бог и добрые люди. Только так. Прославился Павел Васильевич в военных походах. Прославился настолько, что при Александре I стал военным морским министром и членом Государственного совета. Чичаговы-то отважны и справедливы. Будучи министром, осмеливался Павел Васильевич доказывать царю, что пора отменить крепостное право. Он считал его позорным для русского народа.

— Что же отвечал царь?

— Царь отвечал, что еще рано. Знаешь ли, когда отменено в России крепостное право?

— Знаю. В 1861 году. Мне как раз пять лет в тот год исполнилось.

— То-то, пять лет... А Павел Васильевич не дожил до этого времени. Умер в 1849-м.

Отец вздохнул и внимательно посмотрел в глаза сына:

— Ты, сынок, это запомни! Чичаговы всегда думали о народе. Адмирал Чичагов матросов в колодки запретил заковывать и форму новую, удобную, для матросов ввел. Кормежку матросскую проверял самолично! Заботился о матросах! Запомни, сынок!

— Да, папа.

— Еще боролся он против казнокрадов, взяточников и придворных льстецов. За то и ненавидим был ими.

Девизом адмирала Павла Васильевича Чичагова было изречение на французском: «Etre et non paraître»*, которое он вырезал на печатке и всегда носил ее с собой.

— Etre et non paraître, — повторил Лёничка.

— Матросами адмирал Чичагов был любим. Новые корабли он строил, гавани оборудовал. Севастополь, например, сделал военным портом. Командовал Черноморским флотом. С Наполеоном воевал отважно. Хотя и травили Чичагова, пытались сделать виноватым в том, что на реке Березине Наполеон разбит не был и от плена ускользнул...

— Как травили?

— Мал ты еще, Лёня. Подрастешь — поймешь. В жизни частенько так бывает, что травят того, кто честнее. Единственный из всех военачальников, он полностью выполнил приказ императора — поставил свои полки против Наполеона. А другие медлили, выжидали. Вот и стал твой прадед виноватым, что Наполеон убежал. Было у него 20 тысяч человек, из них 15 тысяч пехоты, а у Наполеона — 40 тысяч, а может, и более. Боевые-то генералы все понимали и защищали его... Денис Васильевич Дывыдов, например. Алексей Петрович Ермолов. А те, кто пороку не нюхал... Надо же было кого-то виноватым сделать. Вот и нашли — честного да совестливого...

— Не понимаю!

— Если сам честен да совестлив, понять сложно. Но всегда найдутся любители подставить другого под удар, когда у самих рыло в пуху. А тут еще Крылов Иван Андреевич подсуетился.

— Который Крылов? Который это... басни писал?

— Тот самый. Накропал басенку «Щука и Кот». «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, / А сапоги тачать пирожник...» Намекал, что Чичагов — моряк, а взялся не за свое дело. На суше начал воевать. Тут-то его заслуги перед Отечеством все постарались быстренько забыть. Не включили в число героев войны 1812 года, чьи портреты предполагалось поместить в Военной галерее Зимнего дворца.

— Как же так, папа?

— Так случается, сынок. Когда война с Наполеоном закончилась, уволился Павел Васильевич из армии. По болезни. Не вынес несправедливости такой. А жену свою схоронил он еще до войны. Не женился более. Потому что Чичаговы верность приучены хранить по-христиански. Да и любим... уж если любим, так навсегда. На всю жизнь земную, а может, и небесную. Один доживал свой век, на чужбине, в Англии, у младшей своей дочери. А еще писал он мемуары. О путешествиях и походах своего отца. И о себе. «Записки адмирала Чичагова, заключающие то, что он видел и что, по его мнению, знал». Там, в «Записках...» этих, он все по правде рассказал, как было под Березиной. На лица не глядя.

— Папа, а прочесть эти «Записки...» можно?

— Нет, сынок. Павел Васильевич увез их за границу, но так и не издал. Не смог... Но это не все беды, что свалились на его бедную головушку.

— Что же с ним случилось, папенька?

— Ослеп...

— Что?

— Ослеп он... глаза его перестали видеть. Не хотели глаза его видеть чужбины...

— И что... и никто...

— Главное, что мы с тобой правду знаем. И еще некоторые память его чтят и помнят как героя.

* Быть, а не казаться (франц.).

— Но...

— Перед Родиной он чист. А главное — перед Богом. Понимаешь?

— Да.

* * *

Ночью, закрывшись одеялом с головой, иногда можно и поплакать. Да, мужчине не стоит никому показывать своих слез. Но ночью, когда никто не видит... Маленький Лёничка утирал слезы. Как хотелось ему встать вместе с адмиралом Чичаговым на реке Березине! Он бы и голову мог сложить как герой! Он бы не дал адмирала в обиду! Он бы рассказал всем и каждому, как адмиралы умеют воевать! Попробовали бы эти... эти, кто смеялся, встать против противника, которого больше вдвое! Да какого противника! Обученного, завоевавшего всю Европу и Северную Африку! Да с пехотой против конницы! Да подержали бы оборону в болотистой местности!

«А басни Крылова не буду учить! Не стану!» — так думал Лёничка, утирая слезы.

Узнавал Лёничка, что мир может быть несправедливым. И у жизненных историй, в отличие от сказок, не всегда бывает счастливый конец.

Разве что Бог... Он же видел! Он знает!

Знает... Только на Него и надежда...

Что же запомнить надо было? Что Чичаговы не врут? Не врут, не предают... что же еще?

А! Не трусят.

Еще что?

За Царя и за народ...

Еще?

А... любят верно... но это... это когда еще...

Ресницы смыкаются, и маленький мальчик уже спит.

1937 год

«Из бывших?» — Да, конечно.

Не пролетарского происхождения. Отнюдь.

Хотя по роду своему и племени он ничего не имеет против пролетариата. Но лучше бы сказать — против народа. Против русского многострадального народа. Против России. Ибо нет для него иной Родины. Нет и быть не может.

Его род служил именно России. Царю-батюшке, вернее, царям. Самодержцам Всероссийским, и более никому. Разве волен человек выбирать, наследником какого рода ему прийти в мир? Не волен. Только Господь определяет это. И только невежда упрекает кого-то родом и племенем. Или возносится этим.

Невежда — слово подходящее...

«Время невежд. Как жаль!

Время воинствующих невежд... Оно не может длиться долго, но пока оно упивается властью...»

— Что, поп? На Бога надеешься? Из НКВД тебя ни Бог не достанет, ни ангелы небесные!

Книги продолжают лететь на пол. Вот и еще одна, развернув странички, летит под ноги пожилого человека. Тот нагибается, поднимает книгу. Гладит обложку. Не просто так, а даже с какой-то нежностью.

— Эй, книгу-то дай сюда! — вырывает книгу чекист, стоящий ближе всех. — Что, спрятать хочешь? От советской власти скрыть?

— Нет, — отвечает. — Просто...

— Что — «просто»?

— Книгу написала моя матушка. Моя мать.

— Ха! — возмущается чекист. — У нас матушки книг не писали. Наши матушки горбатились на помещиков и капиталистов с раннего утра до позднего вечера!

избавитися мѹки, да с тобою воспѣваемъ Емѹ:
Аллилуїя.

Сей кондакъ глаголется трижды.
И паки чтѣтся икос 1-й, и кондакъ 1-й.

Моли́тва

О, вели́кий и пречѹдный угѹдникъ Христовъ,
священномѹчениче Серафиме!

Приими́ ны́не на́шу смиренную́ песнь благодарѣния и умоли́ Вседержителя́ Бѹга в Нераздельней Трѹице прославляемаго низпослѣти намъ мир и благодѣнствие, да сохранится от разорѣния держава на́ша. Любѹвию и мѹдростию твоѣю лю́ди россійстии к единѣнию собѹрному приведи́ и от ересѣй и раско́лов огради́. Си́лою ходатайства твоего́ терпѣние в скорбѣх и болѣзняхъ намъ низпосли́.

О, всехва́льный святителю́ Христовъ! Испроси́ у Всеми́лостиваго Бѹга подати́ намъ прѣжде конца́ покая́ние, да сподѹбимся с тобою́ зрѣти лица́ Его́ доброту́ неизречѣнную, воспѣвающе́ Отца́ и Сы́на и Свята́го Ду́ха во ве́ки. **Ами́нь.**

Оглавление

Пролог	6
Глава 1. Старинный дворянский род	10
Глава 2. «Быть, а не казаться»	16
Глава 3. «Смерти не надо бояться»	23
Глава 4. Пажеский корпус	29
Глава 5. «Мы были воспитаны в вере и в Православии...»	36
Глава 6. Боевой путь	41
Глава 7. Первые книги	47
Глава 8. Знакомство с Кронштадтским пастырем	52
Глава 9. «Положение обязывает»	57
Глава 10. Разобраться в медицине	65
Глава 11. «Медицинские беседы» и медицинская практика	71
Глава 12. Решение принято	76
Глава 13. Начало священнического служения	83
Глава 14. Встреча с Дивеево	87
Глава 15. Невосполнимая потеря	91
Глава 16. Дивеевские откровения	94
Глава 17. Монашество	99
Глава 18. Меж двух огней	105
Глава 19. Спасо-Евфимиева обитель	109
Глава 20. Трудности на пути прославления старца Серафима Саровского	119
Глава 21.хлопоты перед торжеством	124
Глава 22. Летом пели Пасху	129
Глава 23. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь	133
Глава 24. Епископ Сухумский	138
Глава 25. Орловская епархия	142
Глава 26. Жертвенный епископ	148